

Лу Сяофэн только что выплюнул вино, которое только что набрал в рот. Он только что из-за этого был проучен Симэнь Чуйсюэ и Тан Мочэнь, этой псевдо-отцовской парой, и теперь слова Сыкун Чжайсина могли спровоцировать Тан Мочэнь на новые шалости.

— Старый обезьян, как ты тоже поверил этим слухам?

— Это ты сам, Лу Сяоцзи, сказал, так почему бы мне не поверить?

— Старый обезьян, Хуа Маньлоу и Сяочэнь стоят здесь уже давно, а ты даже не предложил им сесть.

Лу Сяофэн решительно отказался от идеи оправдываться и решил сменить тему.

Лу Сяофэн позвал официанта и заказал еще несколько блюд, в основном те, что любил Тан Мочэнь. Еда быстро подали, и Лу Сяофэн, выпив глоток вина, попробовал блюдо из белки и карпа. К блюдам сычуаньской кухни он даже не притронулся, хотя Хуа Маньлоу съел немного.

На самом деле, эти блюда не были такими острыми, как в самом Сычуане, но Лу Сяофэн вообще не любил острое, поэтому не стал их пробовать. Хуа Маньлоу, с тех пор как Тан Мочэнь появился в его жизни, боялся, что тот не привыкнет к хуайянской кухне, поэтому в Башне Ста Цветов всегда готовили по вкусу Тан Мочэнь. Сначала Хуа Маньлоу было непривычно, но со временем он привык к остроте и даже нашел в этом свой шарм.

— Лу-гэ, тебе не нравятся эти блюда?

Тан Мочэнь смотрел на Лу Сяофэн своими большими глазами, намеренно сохраняя бесстрастное выражение лица, что делало его еще более милым. Но за этим лицом Лу Сяофэн увидел свое будущее, полное неприятностей.

Лу Сяофэн медленно переместил палочки к тем блюдам, которых он избегал. Он взял маленький кусочек курицы и поднес его к губам, с выражением лица, будто ел яд, и положил кусочек в рот. Вкус был хорошим, но слишком острым. К концу обеда губы Лу Сяофэн слегка опухли, и он чувствовал, будто на них висели две толстые сосиски.

— Лу Сяоцзи, если бы кто-то увидел тебя сейчас, то подумал бы, что тебя поцеловала какая-то страстная девушка, и губы опухли.

Из всей компании только Лу Сяофэн был не в восторге от обеда.

— Старый обезьян, давай заключим пари.

— О чем?

— О том, есть ли в этом мире механизм, который не сможет сделать Чжу Тин, мастер механики. Я говорю, что есть.

— Хорошо, если есть, то я отдам тебе те кувшины вина, которые только что выиграл. Если нет, то ты, Лу Сяоцзи, будешь стоять рядом и смотреть, как я выпью все вино.

Спросить, есть ли в мире механизм, который не сможет сделать Чжу Тин, — все равно что спросить, есть ли что-то, что не сможет украсть Сыкун Чжайсин. Ответ, конечно, отрицательный, поэтому Сыкун Чжайсин с радостью принял пари Лу Сяофэн, считая, что точно выиграет.

Когда они пришли к Чжу Тину, тот сидел на стуле с закрытыми глазами, погруженный в свои мысли. Почувствовав присутствие гостей, он на мгновение открыл глаза, а затем снова закрыл их, не обращая на них внимания.

Никто не обиделся. Хуа Маньлоу, Лу Сяофэн и Чжу Тин выросли вместе, поэтому знали его манеры. Сыкун Чжайсин тоже не обращал внимания на такие мелочи.

Четверо нашли себе места и сели, как у себя дома, полностью игнорируя хозяина и начав разговор.

— Сяочэнь, где твой милый и забавный механический поросенок? В таком большом доме его можно было бы выпустить погулять.

Механический поросенок — это то, что Лу Сяофэн однажды увидел, когда пришел к Хуа Маньлоу выпить. Именно тогда он по-настоящему понял, насколько высоко искусство механики в Крепости Тан, о котором говорили Тан Юань и Тан Мочэнь. И именно на этого поросенка Лу Сяофэн и Сыкун Чжайсин заключили пари.

Хуа Маньлоу не стал останавливать Лу Сяофэн. Система питомцев и инвентаря Тан Мочэнь, а также другие вещи не должны были стать известны другим, так как это могло вызвать хаос в мире боевых искусств. Ведь алчность присуща всем, и если бы люди узнали об этом, то началась бы кровавая борьба за то, что невозможно получить. Однако здесь все присутствующие были надежными людьми, поэтому не было необходимости скрывать.

Механический поросенок был выпущен Тан Мочэнь из инвентаря и весело бегал по полу. Глаза Чжу Тина открылись, но лишь на мгновение. Он тоже мог сделать механизм, который бы двигался. Однако вскоре его взгляд застыл, потому что он понял, что этот поросенок не просто бегаёт, но и следует за Тан Мочэнь.

Он заметил, что если Тан Мочэнь стоит на месте, поросенок бегаёт вокруг него, а если движется, то следует за ним. Кроме того, поросенок мог делать и другие движения, например, кататься по полу или тереться о Тан Мочэнь. Самое удивительное было то, что внутри поросенка производились механизмы и стрелы, по восемь штук каждый. Хотя механизмы были полуготовыми, это уже было невероятно.

Чжу Тин бросился вперед, пытаясь схватить поросенка, но промахнулся. Когда Тан Мочэнь увидел, как Чжу Тин с горящими глазами и явным желанием разобрать поросенка бросился к нему, он быстро спрятал его. Хотя он знал, как сделать механического поросенка, его навыки пока были недостаточны для этого. Кроме того, этот поросенок был сделан его учителем, и он не мог позволить кому-то его разобрать.

Толстое тело Чжу Тина упало перед Тан Мочэнь, но тот не обратил на это внимания. Он быстро поднялся, игнорируя боль и грязь на одежде, и уставился на Тан Мочэнь. Тот, чувствуя себя все более неловко под его горящим взглядом, наконец, спрыгнул со стула и спрятался за Хуа Маньлоу, одновременно бросив злобный взгляд на Лу Сяофэн. Всю вину за эту ситуацию он возложил на Лу Сяофэн. Если бы тот не попросил его выпустить поросенка, ему не пришлось бы прятаться за Хуа Маньлоу, так что это была исключительно его вина.

Даже если бы на месте Хуа Маньлоу был обычный слепой, он бы почувствовал горящий взгляд, направленный на его спину. А уж Хуа Маньлоу с его острыми чувствами — тем более.

— Чжу Тин, если ты обещаешь не разбирать этого поросенка, Сяочэнь его достанет.

— Я обещаю не разбирать его. Я просто посмотрю.

Чжу Тин сразу же согласился. Сейчас он был готов на все, лишь бы Тан Мочэнь снова показал поросенка, тем более что условие было таким простым.

По знаку Хуа Маньлоу, Тан Мочэнь послушно достал механического поросенка из инвентаря. Чжу Тин тут же схватил его и начал внимательно изучать, его глаза полны сожаления. Снаружи поросенок не выглядел чем-то особенным, видимо, все механизмы были внутри. Но он уже пообещал не разбирать его.

Чжу Тин долго держал поросенка, затем попросил Тан Мочэнь продемонстрировать все его трюки, после чего снова сел на стул, погружившись в размышления о том, как создать подобный механизм, снова полностью игнорируя гостей, которые пришли издалека.

Наступила ночь, а Чжу Тин все еще размышлял, но так и не нашел решения. Он перебрал несколько вариантов, но ни один не мог воспроизвести эффект механического поросенка. Наконец, он взглянул на Лу Сяофэн и остальных, словно только что вспомнил, что они все это время ждали.

Поздно ночью несколько фигур вошли в комнату Хуа Маньлоу. В доме Чжу Тина, кроме спящего Тан Мочэнь, все собрались.

— Хуа Маньлоу, Лу Сяофэн, зачем вы пришли?

— Лу Сяофэн и Сыкун Чжайсин из-за пари и нескольких кувшинов вина, а у меня к тебе просьба.

— Касается этого малыша?

— Именно.

<http://bllate.org/book/16231/1458264>